

Мансуров Андрей

18+

Шестая Эра. Поверхность

Остросюжетная фантастика

Андрей Мансуров

Шестая Эра. Поверхность

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мансуров А. А.

Шестая Эра. Поверхность / А. А. Мансуров — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

Я стараюсь объективно и с долей юмора подходить к своему творчеству. И понимаю, что со временем обрастаю, как днище корабля - ракушками, излюбленными приёмчиками, фразочками, и штампованными сюжетными ходами и персонажами... Но если отнестись к делу серьёзно, можно и подходя к делу с иронией, как я и пытаюсь в этой книге, добиться вполне себе интересных результатов. Добро пожаловать: гарантирую, что скучно не будет!

© Мансуров А. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Долбанный трезубец опять запутался, и прочно застрял в ячейх чёртовой сетки на щите противника!

Роджер, оскалив зубы, изобразил страшную гримасу на лице, зарычал, вскинув левую руку в ложном замахе – словно собирается хлестнуть сетью по щели шлема. Противник отдёргнулся, автоматически отмахнувшись мечом. Роджер успел присесть, пружинисто согнув и приготовив мышцы ног. Затем, делая вид, что хочет сблизиться с мирмиллионом, сам вдруг отпрыгнул назад, что было сил вцепившись в чёртово древко.

Зазубренные лезвия-гарпуны оружия Роджера наконец высвободились, вырвав огромный клоч из защитного покрытия щита, и противник только чудом удержал сам щит, да и устоял на ногах: рывок оказался настолько силен, что мускулистое, остро пахнущее потом и пылью, мощное тело врага по инерции буквально пролетело мимо Роджера! Однако ударить пока не удалось: с...ный трезубец, будь он неладен, нужно вначале привести в «рабочее» состояние!

Роджер освободил левую руку просто: бросил на песок чёртову сеть. И пока враг пытался остановиться и разворачивался, рыча от злости, и наверняка думая, как бы добраться до Роджера полвечнее, дернул, обламывая и срывая решетчато-сетчатую хрень, засевшую на трёх зубьях его оружия: сволочи, вот уж постарались!.. Этот кусок решётки-сети оказался третьим здоровущим фрагментом из уже содранных им со щита противника.

Конечно, умно придумано: решётка-сеть из тонких кенафных веревок, гибких прутиков ивы, и рыболовной лески почти ничего не весит, а цепляет крючья его оружия практически гарантированно, не давая добраться до хозяина щита. И Роджеру приходится постоянно думать, как бы снова не зацепиться, уже так, чтоб лишиться и трезубца: достаточно позволить вырвать его из своих рук, и противник просто переломит древко, сделав колющее оружие бесполезной коротенькой зубочисткой!

Это раздражает: возни много, толку мало.

Противник, однако, не дремал, и снова, даже не передохнув, кинулся на Роджера.

Ну и гад! Роджер увернулся от размашистого рубящего удара, который, придишись в цель, словно гнилую тыкву раскроил бы его череп, вскинул руку, отбив подставленной медной накладкой-нарукавником на левом предплечье – колющий... Да что же это такое!

Он откинул ногой подальше оказавшийся наконец отодранным клоч сети-решётки, зарычал, словно в предвкушении, сделал ложный выпад. Противник на секунду отступил, но только, как оказалось, для того, чтоб кинуться на него с ещё большим остервенением!

Теперь пришлось бежать. Правда, недалеко, и небыстро: иначе бронированный идиот догадается, что Роджер легко перегонит при необходимости его увязающее в песке под тридцатью килограммами доспехов, тело. Чтоб остановиться, Роджер присел, и заставил тело почти завалиться назад, вырыв босыми ступнями две борозды в песчаном покрытии арены. При этом он матерился вполголоса и шипел: незащищённым ступням было горячо и больно.

Гад, продолжавший бежать прямо на него, на радостях даже заорал – он-то был в сапогах! – и припустил вперёд ещё быстрее! Похоже, решил, что Роджер наконец устал уклоняться и драпать, осознал, что сопротивление бесполезно, и, смирившись с участью проигравшего, примет его «милосердный» роковой удар так, как положено: подставив незащищённую ничем, кроме потрескавшейся корки из пота и песка, грудь!

Ага, нашёл дурака!..

Роджер сделал вид, что собирается ударить всеми тремя остриями в прорезь шлема, противник поспешил спрятать голову за верхнюю кромку щита. Роджер не стал ничего выдумывать, или бросаться в ближний бой, а просто пробежал мимо двигавшегося по инерции ещё некоторое время вперёд и явно озадаченного таким финтом врага, на бегу подхватив свою валявшуюся на песке сеть.

Вот теперь они почти на равных: предохранительные решётки на щите врага закончились! Ну, почти. Но те неаккуратно выглядящие обрывки и клочки, что там остались, теперь, скорее, мешают, чем помогают его противнику.

Сеть накинуть, конечно, оказалось не просто. Несколько ложных движений, и враг, отмахивающийся от его «оборудования» отблёскивающим на свету мощнейших софитов гладием, смог наконец нанести, как ему, наверное, показалось, такой удар, что выбил у Роджера из руки скатанную сейчас словно в валик, тряпочку. «Тряпочка» отлетела было на пару шагов, но затем, словно по мановению волшебной палочки, снова оказалась в руке Роджера: тот просто дёрнул за один из размахившихся тонких концов, который удерживал всё это время в кисти мизинцем и безымянным пальцем!

А вот теперь враг оказался настолько удивлён внезапным возвращением в руку хитро... опого «попрыгунчика» чёртовой сетки, которой по всем правилам полагалось отлететь на добрых двадцать шагов, что не успел взмахнуть мечом, когда валик из «тряпочки», оказавшийся на редкость увесистым, хлестнул его прямо по прорези в шлеме!

Роджер был уверен: песок, осевший на пропитавшихся потом верёвках, так и полетел в глаза врага!..

Мускулистый торс противника на долю секунды замер, пока его обладатель пытался решить, что делать дальше: то ли побыстрее отскочить, то ли – сразу попытаться протереть глаза и проморгаться. Пригнувшемуся Роджеру осталось лишь прыгнуть вперёд и на лету вонзить движением снизу – вверх своё оружие в незащищённую метровым щитом выставленную вперёд левую ляжку, оказавшуюся прямо перед ним.

Враг заорал – так, что в груди Роджера словно что-то оборвалось. Крик смертника.

Но пока расслабляться рано. Мирмиллион жив, только застыл в неловкой позе.

Приземлившемуся на спину Роджеру пришлось перекатиться, прищурившись, чтоб снова не нахватать песка глазами, затем быстро нырнуть вперёд, потянуться, и схватиться снова за нелепо торчащее параллельно арене древко. Он уже понял, что всё кончено. Но всё равно выдернул иззубренные гарпунные наконечники впившихся в плоть двух зубьев из мышц бедра застывшего от болевого шока бедолаги. Раздавшийся после этого второй вопль, заглушивший отвратительный звук разрываемой плоти, был совсем уж отчаянным и жалобным.

Кем бы ни был его противник, но дураком-то он точно не был. Понимал, что проиграл. И сейчас, даже если Роджер не прикончит его сразу, вторым ударом, он и сам просто истечёт кровью... Но Роджер не стал добивать завалившегося на спину орущего и подвывающего врага, который даже отбросил бесполезные теперь щит и гладий, и зажимал дыры в ляжке обеими руками. Однако арена вокруг человека всё равно очень быстро окрасилась в алый цвет.

Прикусивший губу и набычившийся Роджер чуть отошел, пытаясь отдышаться. Отёр пот со лба, отплевался: проклятый вездесущий песок! Он осмотрел арену, приняхался. Нет, показалось: остро пахло пылью, его потом, медью и... смертью.

Добивать врага Роджер не стал. Ему всегда казалось непорядочным бить того, кто и так проиграл. И сейчас беззащитен. И всё равно умрёт от потери крови.

Но что это?

Почему его противник словно замер в нелепой позе?! Почему голова, только что наклонённая к раненой ноге, вдруг вновь откинулась на песок?

И что это за... странный туман... Или не туман – навис над ристалищем?!

И почему так кружится голова и слипаются глаза?! Что за... Ведь не пахло?!

Ноги почему-то словно сами собой подкосились, и навстречу Роджеру внезапно ринулась поверхность арены!.. И вот он уже лежит, снова пытаясь выморгать брызнувший в глазницы от поднятых его телом и лицом крохотных фонтанчиков, песок!

Похоже, те, кто любовался ходом их схватки, решили, что достаточно: опять пустили, пусть и не пахнущий, но гарантированно обездвиживающий и усыпляющий га!..

– ...вообще ничего не значит! Он мог просто поопасаться, что если подойдёт поближе, то мирмиллион достанет его своим мечом! Ведь раненный мог и просто прикинуться обессиленным и отчаявшимся!

– Хм-м... Логика, в такой точке зрения, конечно, есть. Вот только кое-что не вяжется с фактами. Меч его противник уже отбросил прочь, и тот оказался слишком далеко, чтоб схватить незаметно. Да и если хорошо вспомнить, этот Роджер и предыдущего спарринг-партнёра не добивал. Думаю, он и этого не стал бы. По-моему, он просто считает такие действия нерациональными. И смотрит на ситуацию с позиции: «зачем добивать, если враг и сам достаточно быстро сдохнет?!»

– Да, я тоже заметила, что он не любит лишних движений. И действий. Реалист. И рационалист. Ну что, сразу перезагружаем?

– Да. Чтоб ему жизнь-то малиной не казалась. Погнали.

Этот противник Роджеру сразу не понравился.

Маленький, жилистый, очень вёрткий, и ничем, кроме двух хопешей не вооружённый и не защищённый – набедренная повязка, точно такая же, как у самого Роджера, в счёт уж точно не идёт! Значит, враг умеет отлично пользоваться обеими руками, и в обороне отсиживаться наверняка не будет. Сощуренные почти в щёлочку глаза глядят злобно и непреклонно. Такой не остановится, пока не убьёт Роджера. Или не погибнет сам.

А ещё Роджер почему-то чувствовал странную усталость – словно его тело не набралось, как это обычно бывало после очередного периода беспамятства, новых сил. В мышцах ног сидела странная дрожь – словно только что бегал по песку часа два. Да и пальцы рук, которыми он сжимал рукоять того оружия, которым его снабдили – длинного двуручного меча – катаны – так и норовили разжаться. Тело, правда, выглядело вымытым и ухоженным: ни песчинки, ни капельки пота.

В чём же дело?! Или твари, что постоянно стравливают его со всё новыми и новыми противниками, хотят посмотреть, как он справится, будучи уставшим, и вооружённым лишь одним, тяжёлым и длинным, оружием?

Да и ладно: плевать! Он отлично знает, что вечно никто жить не будет! И излишняя осторожность сродни глупости!

Поэтому он сегодня для разнообразия станет сражаться не «от обороны»! Потому что «выматывать» поджарого, лёгкого, и явно отменно себя чувствующего врага – глупо. Поскольку при этом сам Роджер вымотается куда сильнее и быстрее!

Роджер не стал издавать свой «фирменный» боевой клич, которым пару раз удавалось не то напугать, не то – удивить врага, а просто накинудся на того, вращая катаной так, что её лезвие слилось в сверкающий круг – он по себе знал, что такой блеск мешает сосредоточиться. Ага: вот враг и слегка опешил, отступает. Наверняка при этом думая, что столь быстро отнимающий силы порыв скоро пройдёт, и враг приостановится, чтоб отдохнуть, и станет доступен. Ну, пусть себе думает.

Теперь нужно продолжать махать, скалиться в угрожающей усмешке, и наступать.

Порядок – противник, стараясь синхронизировать движения рук с движениями ног, вынужден реагировать уже только на его удары, пока не помышляя о каких-то своих «контр-выпадах», и отступать: почти бегом и вприпрыжку! И – задом: боится, что в беге Роджер окажется быстрее! (Правильно боится: ноги Роджера куда длинней!)

Стало быть, стену Арены противник сейчас не может видеть, а только предполагает, где она находится: боковое зрение, каким бы изощрённым ни было, не позволяет видеть того, что находится за затылком, а уж следить, чтоб враг не мог ни на секунду отвлечься, чтоб сориентироваться – проблема Роджера. И она решена.

Один из хопешей вдруг жалобно звенькнул, столкнувшись с пятиметровой стальной стеной, ограждающей арену, и от удара чуть не вырвался из руки противника. Роджер нагло воспользовался ситуацией: попросту отрубил пытающуюся удержать рукоять, и на мгновение застывшую, кисть, а когда враг зашипел, выставив над собой второй египетский меч, нанёс весьма «подлый» удар снизу: в незащищённый живот! Плевать на то, что там кто подумает: не до реверансов, когда речь идёт о жизни!

После удара Роджер рывком выдернул меч. Отступил на миг, но тут же вновь сделал шаг вперёд, и сделал то, чего до этого никогда не делал: отрубил нагнувшуюся вниз оскалившуюся в жуткой гримасе голову!

Та откатилась недалеко: всего на шаг. Песок же!..

Сказать, почему он решил добить именно этого противника, он не смог бы и под присягой. Потому что и сам не очень понимал, что руководило его действиями.

Инстинкт?..

Проклятый серый туман из чёртового аэрозоля опять опустился на арену, скрывая матовой пеленой всё: и поверженного врага, заливавшего песок вытекающей толчками из обрубка шеи и руки, кровью, вонявшей медью, саму арену, и ослепительную яркость прожекторов наверху.

Роджер на этот раз поступил умней: не стал ждать, когда рухнет наземь, а сразу лёг сам, на спину. Правда, всё равно на всякий случай сжимая катану обеими кистями, и отодвинувшись подальше от отсечённой руки, так и сжимавшей хопеш.

На этот раз газ подали привычный – пованивающий.

Снова навалилась темнота...

– Неплохо.

– Да уж. Особенно, если учесть, что периода релаксации мы ему не дали, и восстановление находилось на отметке где-то в пятьдесят процентов. Ну что? Подходит нам?

– Думаю, подходит.

– Отлично. Значит, моем, даём выпасться, и переправляем на Уровень Це. Доложи координаторше.

– Слушаюсь, мэм.

Чёртов ярко-красный кабриолет впереди вдруг завилял, дура с развешавшимися, словно пламя, рыжими волосами в прозрачном и ничего не скрывавшем топчике, сидящая за рулём, ударила по тормозам, и по клаксону!

Роджер в последнюю секунду успел затормозить и объехать маленькую машинку, не напав на той в зад так, чтоб вылетела влево, туда, где за перилами моста в пятидесяти метрах внизу, сверкала блёстками полуденного отражённого солнца вода Гудзон-ривер. Он успел заметить и причину, по которой сволочная идиотка дала по тормозам: на проезжую часть перед её машиной выскочила чья-то, вероятно, потерявшаяся, крохотная собачка-пикинес. Роджеру запомнились идиотские панталончики в кружавчиках, и широкий кожаный ремешок ярко-алого цвета с круглыми хромированными заклёпочками на шее пёсика. И ещё – выпученные круглые глаза-пуговицы.

После этого последовал страшный удар: это его Тойота-камри врезалась почти на полном ходу в толстые стальные трубы, торчавшие из полуприцепа грузовика, неспешно двигавшегося по крайней правой полосе.

Роджер ещё успел заметить какого-то парня в синем комбинезоне: вероятно, рабочего из бригады, обслуживающей стропку моста: сидя верхом на одном из толстенных канатов в десяти метрах над дорожным полотном, он пялился на Роджера, раскрыв рот в неслышимом крике...

Что-то врезалось Роджеру в грудь, да так, что затрещали ломаемые рёбра, ещё что-то ударило прямо в висок. В ушах возник жуткий грохот и гул, в глазах потемнело...

И он понял, что умер.

С криком он вскочил.

Нет, это просто всё тот же чёртов кошмар – он жив!..

Сволочной сон – снится здесь уже в пятый раз... Тут не то, что вспотеешь, а и описаешься со страху! Да и от боли: вспоминать – себе дороже...

Роджер снова лёг на своё жесткое ложе, поёрзал, пытаясь устроиться поудобней. Но чёртов стальной пол мягче не стал.

То, что он вообще начал просыпаться – несомненно результат того, что в шестьдесят два, спустя всего год после страшной аварии в которой выжил буквально чудом, да и встать с постели смог лишь через четыре месяца, решил-таки вложить деньги (Немаленькие, кстати!) в своё «воскрешение». Когда-нибудь в отдалённом будущем. Когда наука достигнет. Должного уровня.

Дал снять с себя психоматрицу.

Позволил сделать биопсию, терпел, пока из него добывали образцы спинного мозга, брали кровь, отделяли тоненькие цилиндрики мышц, набрали чуть ли не пинту крови... За те деньги, что уплатил, как он считал, они могли бы делать всё это и поаккуратней. Да и обезболить получше.

В больнице компании пришлось тогда пролежать целых три дня. Но потом ему сказали, что всё в порядке, и брать что-либо повторно не будут: всё их устраивает.

Осталось только снять саму мнемоматрицу: чтоб он помнил всё предыдущее...

Роджер был чертовски рад. Ведь сам «съём» происходил безболезненно. Он уже жалел, что связался с чёртовой компанией «Вечная жизнь». С другой стороны, денег у него было достаточно. Да и мало ли: вдруг и правда, случись (тьфу-тьфу!) что, входящее в «страховой случай» – оживят?!

И вот теперь он убедился воочию, что действительно. Оживили. Всё, как прописано в контракте: он в «расцвете сил».

Правда, вот как-то странно его «воссоздатели» используют его омоложенное тело. Впрочем, нет. Тело не омоложенное – оно просто новое. Клон, скорее всего. Выращенный из его же «образцов». Но то, что клон именно – его, сомнений не вызывает. Вон: даже родимые пятна на руках на своих привычных местах... Это они ближе к старости разрослись, и к ним добавились и просто коричневые – «старческие».

Но пенять на то, что его травят, словно зверя в клетке, как понял Роджер, некому! То ли сменилось правительство, то ли он не выплатил вовремя какую-нибудь страховку, то ли его просто куда-то контрабандно перепродали. И тут он – гладиатор.

Которого срамливают с другими, возможно, такими же, как он, гладиаторами-людьми. А до людей были животные: тигры, львы, леопарды... Даже крокодил.

А в самом начале – тесты. На сообразительность и интеллект.

Проклятье! Чего им от него надо?!

Неужели тот факт, что сам он, Роджер Тандерволд, шестидесяти двух лет (Вот уж пове-ришь в «магию» чёртовой науки!) погиб, или умер от старости – правда, и его «оригинальный носитель» не может отстаивать свои права через суд, и делает теперь его новое тело со старым сознанием – чьей-то игрушкой?!

Гладиатором на потребу извращённой публике?

Или уж – объектом для каких-то изощрённых опытов?..

То, что теперь от него потребуется нечто совсем другое, чем победить кого-то в схватке, Роджер понял сразу.

А ещё бы тут не понять!

Когда очнулся от очередного беспамятства и быстро (Уж этому – научился!) вскочил на ноги, пытаюсь сообразить, почему не дали оружия, всё и рассмотрел.

Он абсолютно наг – даже набедренной повязки, если эту чисто условную тряпочку можно было так называть, нет. Тело явно вымыто, и даже умощено какими-то благовониями – кожа прямо бархатистая, и приятно пахнет! Усталости как не бывало, словно только что проспал часов пятнадцать-двадцать. Ни песка, ни пространства Арены нет и в помине. Пол ровный, гладкий. Твёрдый. Белый. А чтоб уж сомнений в том, что от него сейчас потребуется, не оставалось никаких – вот *оно*.

Великолепнейшее тело. На огромной – с добрых шесть квадратных метров! – кровати. А больше ничего в огромной же, с добрую четверть чёртовой Арены, комнате, нет!

Только он, белая комната, постель, и женщина. На постели.

Женщина не спит. (Вот уж он удивился бы!) Смотрит на него. Выражение этого взгляда он описал бы как... Вождеющее. Да, точно: именно *этого* от него и ждут!

Хм-м... Странно. Возможно, конечно, что необузданный секс и является следующим испытанием, но...

Но пока он не обыщет всю чёртову кровать, не посмотрит за подушками, под матрасом, и вообще – везде, где возможно (Вдруг в стенах – имеются какие-то замаскированные ниши. С ожидающими, что он поддастся на зов того, что воспряло сейчас между ног, и свалает беспечного идиота, сволочами?!) скрываются убийцы, или оружие, он им, этим самым чёртовым сексом, пусть и с раскрасавицей, и «мечтой всех его юношеских фантазий» – не займётся! Как бы призывно она не глядела на него. И как бы капризно не заламывала бровь и хитро не улыбалась!..

Но вот комната обыскана, даже простукана, ничего не найдено, и пытаться сопротивляться позывам похоти смысла, вроде, больше никакого нет... Тем более, что женщина – действительно: божественно сложена. И лицо... Такие, наверное, и служили образцами всем этим скульпторам да художникам, лепивших или рисовавших чёртовых древне-греческих Богинь.

Тонкая, подчёркнутая изящной перетяжкой, талия. Небольшие и аккуратные груди. Чувственные, по контрасту с талией – массивные, бедра. С шелковисто-гладкой, атласной, чуть тронутой здоровым загаром, кожей. Блинн...

Ладно, пусть думают, что хотят. (А они, проклятушие наблюдатели, наверняка подумают!) Но он поступит так, как считает нужным!..

– Неплохо. Пошёл, так сказать, на поводу своей похоти – но – с оглядкой!

– Ага. И – поступил умно. Когда обыскал её. И перетащил «девушку» на пол. (Бедная координаторша!) Потому что как...опой чуял: оттуда ей до припрятанной иглы с ядом не дотянуться!

– Да, инстинкты у него на уровне. Но, знаешь, я удивлена. Тем, что он-таки въехал ей в челюсть, когда стала сопротивляться. Я почему-то считала, что чёртов Роджер *женщину* бить не станет!

– Ну, мало ли чего ты там считала... Да и, если честно, я Анне и сама всегда мечтала. В челюсть. Так что спасибо этому Роджеру – вот уж порадовал! Хе-хе. Ладно, газ сработал. Оба спят. И спермоприёмник полон. Давай нашу любимую начальницу – в медотсек, пока семя свежее, а чёртова перестраховщика и юмориста Роджера – дальше.

Длинный коридор.

Роджер не совсем понял, как очутился здесь: похоже, снова потерял сознание прямо там, на женщине. Но – выполнив то, что было положено «выполнить». С честью!

Ну, во-всяком случае, почти очнувшись после хука в челюсть партнёрша очень даже натурально стонала и содрогалась в конвульсиях оргазма: приятно! Осознавать, что справился и с этим «поединком». Или – тестом. И то, что пришлось слегка «вразумить» непокорную, и никак не желавшую слезать с мягкого матраца женщину, его нисколько не смущало. Он – главный! Поэтому сделает всё так, как хочет – ну, вернее, хотел! – сам!

Встать на ноги и оглядеться удалось лишь после некоторой передышки на одном колене: голову буквально вело – она кружилась. Да и сознание мутилось. Переборщили они там с усыпляющим сегодня, что ли?..

Но что же это за коридор? И почему тот его конец, ближе к которому он очнулся, оказался глухим? Роджер не придумал ничего лучше, как подняться-таки на ноги и быстро доковылять до отдалённого противоположного конца, придерживаясь рукой за стену.

Так. Дверь. Открывается простой поворачивающейся ручкой. Он и открыл её.

Хм-м... Комната. Пустая. Странная. Ни следа привычной белой краски ни на полу, ни на стенах, ни на потолке... Сами пол, потолок и стены – голый металл. В угрожающе выглядящих сиренево-голубых разводах... Ловушка? Вряд ли. Ловушку можно было бы устроить и посложней. А если б его и правда хотели убить – он бы просто не проснулся в очередной раз!

Значит – просто очередное испытание. Вперёд.

Он вошёл. Дверь медленно, явно толкаемая пружиной, закрылась. Щёлкнул замок – солидно так щёлкнул: не иначе, как запоры тут с надёжной подстраховочкой. Но...

Но тут же открылась другая дверь, в противоположном торце квадратного помещения. Роджер хмыкнул. Не заколебавшись ни на миг, вышел.

Хм-м. Ещё один коридор. А дверь за его спиной закрылась. Сама. Щелчок. Но...

Что это за странный гул и шипение донеслись из-за закрывшейся двери?!

Могучие, и басовитые – как от водопада Ниагара-фоллз! Непонятно. Но очень уж похоже на гул и рёв мощного потока не воды, а – пламени! Роджер приложил ухо, чтоб убедиться. Да, верно: именно так и гудит пламя, мощно вырываясь из форсунок! Да и дверь – потеплела, откуда-то, вероятно, из тонких щелей по периметру, остро запахло нагретым металлом...

Дезинфекция после его прохода? Вот уж – хм-хм...

Странно всё это.

Но деваться некуда – нужно пройти очередной тест. И выжить.

Каких только он здесь, в этом странном месте, проверок уже не проходил!

Лабиринты. Многоуровневые, и с ловушками. Светлые, и во мраке «ночи».

Комнаты с логическими задачами. (О, да: он отлично понимал условия задач, которые обычно имелись на листке с Заданием при каждом столе.) Сборно-разборные звёзды, кубики с разноцветными гранями, трансформеры-механизмы: чего только он не складывал, переставлял, состыковывал из непортящихся деталей – вероятно, из сверхпрочных металлов!

Бег по псевдопустыням, саваннам, джунглям. И даже северной тундре. Сражения с животными – тиграми, гиенами, волками. А затем и – с не то – монстрами, не то – мутантами, явно выведенными кем-то искусственно. Хорошо хоть, адекватным оружием его снабжать не забывали – не то, что сейчас.

Хуже всего, конечно, оказались последние несколько дней. (Дней? Может, часов – только с перерывом на те краткие мгновения, что требовалось его натренировавшемуся телу для полного восстановления сил?!) Когда биться пришлось с... Людьми.

Он, правда, вынужден был признать определённую логику и последовательность в действиях тех, кто его таким образом «испытывал»: задания шли от простого к сложному.

И каждый следующий противник-враг был всё опасней. И сильнее. И умней.

Но что же... Ждёт его теперь – после «проверки» на «мужскую состоятельность»?!

Дверь в торце второго коридора открылась так же – простой ручкой.

Он оказался в ещё одном коридоре: широком, не менее пяти шагов, и длинном: конца в обе стороны не увидеть за плавным изгибом стен! А может, так происходило из-за странного света, словно бы не столько освещавшего, сколько скрывавшего стены и пространство внутри бело-жемчужного и как бы матового, тоннеля? Чуть ярче, конечно, чем в камере, где его содержали между тестами и сражениями. Но гораздо слабее, чем тот слепящий свет, что заливал обычно Арену.

Над головой внезапно что-то щёлкнуло – он невольно вздрогнул и присел, приняв боевую стойку для рукопашной. Но ничего не произошло.

А, нет, произошло: мягкий женский голос из-за круглой сетки на потолке, находящейся возле одного из длинных плоских светильников, сказал:

– Роджер. Повернись налево. И иди по коридору, пока не увидишь дверь с надписью на табличке «Администратор». Войди туда.

Смысла не поступить так, как порекомендовали, а сделать с точностью до наоборот, Роджер не видел. Поэтому повернулся налево и двинулся.

Двери тут, действительно, имелись. Буквально через каждые пять шагов в стене располагались белые прямоугольные входы куда-то. Возможно – действительно в каюты. На дверях имелись нащёлки с чем-то вроде пазов под ключи – явно замков! – и ручки. Таблички на уровне чуть ниже его глаз тоже имелись.

И чего только на них не было написано: «Главный психолог», «Главный анестезиолог», «Заместитель главного хирурга», «Управляющий складом», «Главный инженер холодильного оборудования», «Заместитель главного механика», и прочее в таком же роде. Табличка с надписью «Администратор» нашлась всё же раньше, чем Роджер начал терять терпение: ближе к концу этого крыла, который уже был отлично виден – как глухая и невыразительная стена, перекрывающая коридор.

Роджер подошёл и повернул ручку. Дверь открылась.

Роджер вошёл. Дверь за собой прикрыл.

Невыразительная комната. Пять на пять шагов. На полу – тонкий пластиковый ковёр. С простым геометрическим узором. Белые стены, на потолке – белый матовый плафон светильника. Из мебели – один простой пластиковый стол, да три стула.

Спартанская прямо тебе простота...

У стены – три шкафа. Нет, не шкафа: скорее, просто вместилища для хранения чего-то, уж больно напоминающего флэшки: вон они, навалены в пластиковых прозрачных кубиках кювет, с подписанными бирками на передней стенке: «2451», «2452», и так далее – явно по годам. Во втором вместилище кюветы с флэшками шли по разделам: «История», «Реактор», «Двигатели», «Оранжерея», «Антенны», и ещё – всего не меньше пятидесяти. В некоторых кюветах флэшек было много, навалено буквально горой, в других – не более десятка. Странно. Третий шкаф не порадовал: кюветы оказались подписаны шифром – с буквенными и цифровыми значками. Секретные материалы?..

Хм-м...

Вряд ли. Иначе его сюда не направили бы.

Роджер развернулся к той стороне комнаты, что располагалась напротив входной двери. Подошёл ближе. Точно!

В стене имелся ещё один дверной проём: сразу и не заметишь – настолько тонкими оказались линии, оконтуривающие его. А это что – сбоку? Похоже на клавишу. Роджер нажал. Дверь, пшикнув пневмозатворами, ушла вглубь и в сторону. Он вошёл.

На потолке зажёгся плафон: похоже, сработал фотозащитный элемент.

Вот оно как. Комната небольшая, но обставленная куда уютней: псевдоокно со стереофотографией лесной опушки. Декорировано изящными драпировочками: тут тебе и тюлевые, и плотные шторы-занавеси. Шкаф: этот – уже настоящий, старинный, из ДСП, обитого шпоном. На полках стоят... Книги?! Гос-споди! (Прости, что помянул все!)

Кто сейчас, если идёт и правда, как он видел – 2459 год, может позволить себе иметь книги? Да и кто станет читать их, зная, какой невосполнимый вред здоровью наносит невидимая и невесомая целлюлозная пыль, постоянно сыплющаяся и взлетающая с их ветхих страниц при любом их перевороте?! Впрочем, хозяин коллекции опасных раритетов явно знает об этом свойстве книг: шкаф спереди закрыт толстыми и явно герметичными стеклянными перегородками-панелями.

А вот и доминирующая составляющая небольшой комнаты: огромная, двуспальная, и занимающая весь центр комнатки, кровать. Над ней – два светильника-бра, по бокам – тумбочки. Тумбочки умилили Роджера: классика! Уютно, ничего не скажешь.

Пол в этой комнате оказался покрыт реально пушистым и явно призванным создавать уют и расслабление, ковром. Тому, кто живёт здесь, должно быть приятно стоять и ходить по нему босыми ступнями. И этот ковер – с рисунками и орнаментами. Роджер отлично помнил такие. В той части памяти, что отвечала за «общее устройство Мира». Нежно-коричневые и песочные тона взор ласкают и успокаивают.

Недурно. Особенно, если учесть, что в стальной коробке три на три на три, где его содержали между «использованиями», не то что кровати – лежака приличного не было. И спать приходилось прямо на полу, только отодвинувшись подальше от санитарного отверстия, из которого вечно воняло чем-то тухлым, и горелым – пластмассой, что ли. И мочой.

Роджер не придумал ничего лучше, как обследовать ещё раз все стены спальни.

Ничего.

Вышел в первую комнату. Ага, есть!

Ещё более тонкие нити контуров скрывали две каморки: одну с ванной и душем, другую – с унитазом и... Тем, что Роджер принял за биде!

Надо же! Здесь обитает и женщина! Неужели у Администратора есть жена? Любовница? И не андроидная кукла для плотских утех, а *настоящая*?! Или...

Жуткая мысль заставила Роджера содрогнуться: а ну как Администратор и есть – эта самая женщина?! Он, кинув взгляд на унитаз ещё раз, получил полное подтверждение: сиденье-то... не поднято! Так обычно бывает, только если им постоянно...

Чёрт возьми.

Во что это его теперь угораздило?!..

Проснулся Роджер от шума: в соседней комнате явственно раздавался стук каблуков по пластиковому, и поэтому тонкому, ковру. Он было подумал, что нужно встать, но потом передумал: зачем? Если его притащили сюда как раз для того, что он заподозрил, то тут ему самое и место: «использовать» его явно будут на этой самой кровати!

Стук каблуков приблизился к двери, замок щёлкнул, дверь отошла.

Появившуюся в проёме женщину никто не назвал бы привлекательной. Нет, она была и стройна, и подтянута: не больше шестидесяти килограмм. Но вот лицо...

Веяло от него какой-то суровой непреклонной решимостью, и... Да: пожалуй, можно назвать это – Чувством Долга. С большой буквы. Хотя сами черты казались и правильными, а глаза – большими и ясными, грозный, словно осуждающий, взгляд портил всё. Хотелось или вытянуться в струнку по стойке смирно, и отдать честь, или...

Банально сбежать.

Бежать Роджеру было некуда, поэтому он просто остался лежать, спокойно рассматривая женщину. А неплохо она одета. Со вкусом.

Хотя прикид и сугубо «деловой»: блестящие лайковые колготки, чёрная строгая миди-юбка чуть повыше колена, и белая блузка-кофта не позволили бы усомниться, что перед ним Администратор собственной персоной, даже если б на левой стороне груди не имелось соответствующего бейджика. Жаль, с такого расстояния нельзя было прочесть имени.

Женщине на вид можно было с равным успехом дать от тридцати до пятидесяти, но Роджер, подумав, склонился всё же к первой цифре: преждевременно наметившиеся на лице морщины не дополнялись таковыми на шее и ниже. Значит – возникли от забот, а не от возраста. Похоже, должность-то... Накладывает ответственность.

Женщина чуть поморщилась, понимая, что её рассматривают, словно племенную лошадь. Спросила:

– Ты ел?

Голос, в-принципе, приятный. Но вот тон... Не вопрошающий, а, скорее, вот именно – командно-приказной. Суровый. Привыкший повелевать и наказывать. (Да и допрашивать провинившихся, случись таковые, наверное, помогает!) Роджер сразу почувствовал себя по-идиотски: словно он – отказывающийся раскаться и отречься от скверны своих глупых убеждений еретик, а женщина – Главный Инквизитор.

Но ответить надо:

– Нет.

– Тогда вставай. Нужно поужинать.

Он поднялся, даже не пытаясь прикрыть наготу. Напротив: постарался упругие мышцы живота, груди, и крепкие бицепсы выставить напоказ. Женщина криво усмехнулась, действительно оглядев его от длинных стройных ног до мощной шеи, покачав головой. И сразу стала куда больше похожа на живое и чувствующее существо:

– Красавец, знаю. Брюки и трусы – в шкафу. Не нашёл? Или не захотел надеть?

Роджер решил ответить правду:

– Не нашёл.

– А, понятно. Тогда смотри: шкаф с одеждой здесь. И открывается вот так. – она подошла к проёму у «окна», и провела рукой вдоль стены.

Открылась незаметная до сих пор створка, и показались полки с аккуратно разложенной одеждой и бельём.

Роджер подошёл. Только встав рядом с женщиной, он понял, что она невысока, можно даже сказать, маленькая: ему по плечо, не выше метр шестьдесят без каблучков изящных туфелек на невысоком каблучке. Это открытие удивило его, поскольку в форме она смотрелась чертовски солидно и впечатляюще. Зато теперь оказалось возможным прочесть и имя на бейджике: Диана.

– Смотри: вот это будет твоя полка. Всё, что понравится – одевай.

Роджер сгрёб пачку одежды, что лежала, выделяясь по сравнению с остальными кучками, небольшой высотой. Перенёс на постель. Разложил. Хмыкнул: тут оказались и брюки, и рубаша, и майки с трусами, и носки. Всё – мужское.

Значит, готовилась.

Да и ладно. Если всё у них будет так, как он подумал – он... Не против!

Он натянул армейскую стандартную футболку защитной расцветки, трусы и камуфляжные армейские же брюки. Женщина, пока он разбирал бельё, молчала, и стояла, не без интереса наблюдая за его нарочито неторопливыми действиями. И только когда он взглянул ей в глаза, прокомментировала:

– Всё верно. Спокойный, собранный, рационалистичный. Словом, мой идеал. – и, поскольку Роджер промолчал, глядя на неё, продолжила, – Ладно, клади всё остальное на место, и идём кушать.

В большой комнате, в одной из её боковых стен, оказался откидной стол и линия экспресс-доставки. Роджер подтащил от рабочего стола два стула: один напротив другого.

Встал за её стулом, когда она присела, пододвинул. Диана хмыкнула:

– А приятно, когда за тобой ухаживают. Спасибо, Роджер.

– Пожалуйста, Диана. Приятного аппетита.

– И тебе.

Больше никто из них ничего не сказал до тех пор, пока они не «разобрались» с едой: на первое оказалось что-то вроде зелёного борща с какой-то кисловатой травкой, а на второе – бифштекс. С отварным картофелем и зелёным горошком на гарнир.

Роджер не без удовольствия съел мясо, удивляясь, насколько оно нежно и хорошо прожарено. Подобрал с пластика тарелки соус и подливу последним кусочком отрубного хлеба, с довольным видом откинулся на спинку стула: вкусно! Не то, что белковые палочки, которыми его кормили там, в камере, и которые по вкусу напоминали самый обычный мел, пропитанный подсолнечным маслом. А сейчас Роджер чувствовал себя сытым. И отдохнуть успел неплохо. К дальнейшим «приключениям» «готов»!

Но женщина не спешила переходить к главному делу, как, по-идее, полагалось бы после трапезы. Вместо этого решила пояснить:

– Бифштекс, разумеется, не натуральный. Заменитель мяса, соя, костная мука, ароматизаторы и загустители... И всё такое прочее.

– Всё равно – отличный вкус. И пахнет божественно. Да и насыщает неплохо. Не то, что белковые палочки там. У меня.

При упоминании места, где, как наверняка знала женщина, его содержали, он удивился: её уши покраснели! Впрочем, с собой она справилась легко, и даже взглянула ему в глаза вполне дружелюбно. Сказала:

– Спрашивай. Ты же наверняка хочешь узнать, почему тебя не... Утилизировали.

– Ну, то, что меня должны были, как ты изящно выразилась, «утилизировать», мне стало понятно после того, как там, за стальной дверью, зашипели горелки. А то, что спасла меня именно ты, я понял по голосу. Он у тебя вполне приятный, несмотря на стальные начальственные нотки. И узнаваемый. А спросить я хотел вот о чём: когда ты... Как бы это поизящней... натешись со мной, меня всё равно...

Утилизируют?

Диана всё же вспыхнула – на этот раз краска затопила всё лицо и перешла на шею, за которую она вдруг схватилась рукой – словно женщине стало трудно дышать. Когда снова взглянула ему в лицо, в глазах стояли слёзы:

– Я... Прости. Наверное... – она моргнула раз, и другой, – Боюсь, я не смогу сохранить тебе жизнь, как бы мне не хотелось! Мне всё равно придётся. Да, отправить тебя на... утилизацию. Потому что через три недели будет очередная повальная чистка и проверка, и тебя так и так обнаружат!

Роджер не стал показывать, что разочарован или обижен:

– Понятно. И... Сколько их, несчастных секс-игрушек, было до меня?

– Никого! Нисколько их не было! – женщина действительно рассердилась, закусив губу. С гневным взглядом она напомнила какую-нибудь древнюю фурию. Но молнии её взгляд метал недолго: похоже, спохватилась, что по должности не положено проявлять столь открыто эмоции, и даже улыбнулась почти нормально, а не наиграно, как вначале, – Ты у меня – первый!

– А... Что же надоумило тебя, уважаемая спасительница, оставить меня... Для себя?

– Если честно, ты... Хм-м... Ну, понравился мне. Ты – рационалист. Как и я сама. Но ты можешь быть и поразительно смел и азартен! Как я сама могу только... Мечтать.

Да и лицо твоё... Вполне приятно. А кроме того, я, как пятое лицо на Станции, тоже имею кое-какие привилегии. И своё представление о субординации: чего можно, а чего нельзя высшему Персоналу Станции.

Почему эта с-сучка, Координаторша, может заводить любовников, а я – нет?!

– Ага. То есть то, что я пока остался жив – свидетельство и твоего благорасположения, и твоего... Статуса?

– Ну... В какой-то степени – да. И того, и того. – она отвела взгляд. Роджер легко догадался, почему женщина так смущается и сердится, несмотря на этот самый «Статус». Всё-таки женщина – всегда женщина. Какой бы властью её не обличили, и как бы тщательно она не пыталась контролировать свои эмоции. Им-то как раз – не прикажешь!.. Даже если их почти незаметно нетренированному наблюдателю, вроде подчинённых, Роджер-то – тренированный! Он научился читать микромимику тела и лица ещё тогда – в той жизни. Оказалось очень полезно. И для работы, и в «быту».

Ну а главное – вряд ли то, что ему сейчас втюхивают про «спасение» – правда. Скорее, заготовленная и отрепетированная Легенда. И именно от осознания того, что она ему её «втюхивает», женщине и некомфортно.

Но чего же от него хотят кроме?.. Или – больше ничего, но – чтобы *много!*..

Роджер долго и пристально глядел в красивые, большие, и сейчас чуть покрасневшие глаза. Вдохнул. Сказал:

– Ладно. Настаивать не буду. Не хочешь – не говори.

– Чёрт! Ты... Ещё и умён и хитёр. Когда догадался?

– Когда ты открыла дверь в спальню. Несмотря на всю твою «сдержанную деловитость», еле слышный вздох облегчения у тебя вырвался.

Женщина невольно покачала головой и дёрнула плечиком:

– Зар-раза ты, Роджер. Циничен. И наблюдателен.

– Что есть, то есть. Без этого не выжил бы.

Он ласкал её неторопливо, с чувством, с толком, с расстановкой.

Знал, что не должен пока ни пугать излишним напором, ни изображать «мечтательного и романтического воздыхателя». А вот именно – умудрённого и опытного любовника. Профессionala.

Когда они вылезли из ванны, где он долго и тщательно намыливал а затем и смывал пену с её поджарого и стройного тела, заодно оглаживая и массируя то, что полагалось оглаживать и массировать, она уже только молча моргала, учащённо дыша: явно не могла дожидаться!..

Роджер постарался даму не разочаровать: всё для этого у него имелось. В «рабочем» состоянии.

Разумеется, делать это с ней было и приятней, и спокойней, чем с подсадной уткой.

Ну, он и расстарался. Как говорится, раз уж ему всё равно умирать, (А он, собственно, в этом и не сомневался – ведь не мог же он в самом деле рассчитывать всегда побеждать всё более и более сильных противников!) грех не воспользоваться.

Тем более, что он и сам получал вполне адекватное удовольствие. Поэтому к жарким поцелуям и ритмичным движениям он вскоре подбавил и нешуточного напора, стиснув ладонями так, что она чуть вскрикнула, упругие груди, навалился уже всем весом, и даже зарычал: ему всё это тоже нравилось!

Диана задышала, часто-часто, прерывисто. Затем забилась, закричала: тоненько, жалобно – и её тело изогнулось дугой! Роджер поспешил подсунуть под талию руку, а затем – и подушку. Но не остановился. Только чуть сменил направление движений.

Не прошло и минуты, как женщина снова завопила: уже в полный голос, мышцы напряглись, и судороги мощного оргазма чуть не сбросили Роджера с её тела.

Надо же. Она не играет – *так* симулировать нельзя.

Роджер, конечно, испытал вполне простительное чувство удовлетворения – нет, он не сомневался, конечно, что как самец он вполне состоятелен и «породист» – восемь дюймов всё-таки! – но никакое очередное подтверждение не бывает в таком деле лишним.

Он решил себя пока до логического финала не доводить – её оргазм сейчас важнее его. А сейчас его лишние движения могут только испортить «девушке» праздник. Особенно не хотелось бы этого, если он у неё действительно – первый.

Он нежно отстранился, прилёг рядом.

Диана застонала, развернулась к нему лицом. Он смотрел на неё не отрываясь.

Да, глаза у неё очень красивые. Большие и густо-зелёные. И сейчас, с расширившимся почти во всю радужку зрачком, и словно тронутые поволокой, смотрятся бесподобно. Он мягко провёл ладонью по её шелковистым и всё ещё влажным после ванны волосам. Провёл кончиками пальцев и по нежной коже щеки. Улыбнулся. Открыто и искренне. Разлепил высохшие губы:

– У тебя очень красивые глаза. Выразительные. Ты можешь не надевать маску: я вижу, что ты очень чувствительна. И ранима. Как тебе удаётся скрывать это там, на работе?

Она поморгала. Вздыхнула. Но голос прозвучал спокойно и мягко:

– Там – мне легко. Скрывать это. Ведь вокруг – одни эти с-сучки. И ни одного мужчины. Вот и приходится тоже... Изображать. С-сучку. Чтоб не выделяться.

– Странно. Я и раньше догадывался, конечно, что что-то не так с этим миром. Раз меня, как крысу, гоняют по лабиринтам, проверяют на сообразительность, да стравливают с бойцами-гладиаторами. Которые всё сильнее и проворней. А это вы, амазонки недоделанные, так отбираете себе на потеху «элитных самцов».

Диана вспыхнула. И на какое-то время потупилась. Полные чувственные губки надулись. Но она нашла в себе силы снова взглянуть ему в глаза:

– Нет. Всё не так. Думаю, ничего не случится, если я скажу тебе правду. Мы так отбираем элитного... Не самца-трахателя. А просто – донора спермы.

Сперму эту замораживают. В жидком азоте. И потом этой спермой «осеменяют» носительниц. Разумеется, здоровых и молодых. Избранных в производительницы потомства, и прошедших все положенные медицинские тесты и проверки.

Роджер криво усмехнулся, откинувшись на подушку:

– Понятно. То есть всё у вас происходит примерно так же, как во времена примитивного сельского хозяйства. Три века назад, в моё время, по такой методике осеменяли коров. Бык должен быть призовой и матёрый. Так?

– Ну... Аналогия уместна, (Какой же ты пошлый циник!) – она хмыкнула, покачав головой, на лице появилась невесёлая, но – улыбка, – А поскольку мы законодательно запретили мужчин, вот и приходится... Идти на хитрости. Для вот того, чем мы только что...

– Это – как так? В-смысле – почему *вы* «запретили» мужчин?

– Ну, это-то понять тебе будет нетрудно. Ты же ещё и рационалист. Это ведь вы, мужчины, развязали последнюю, и самую страшную и разрушительную, войну. Из-за которой мы не сможем жить на планете ещё как минимум двести лет.

Роджер намотал на ус. Но решил всё-таки уточнить:

– Так мы сейчас – не на Земле?

– Нет, конечно. (Как это ты до сих пор не догадался. А, знаю: гравитация поддерживается такая же, как там, внизу. Чтоб не отвыкали мышцы!) Мы – на Станции, которая вращается, конечно, вокруг Земли. На геостационарной орбите, над всем тем наследием, что осталось на более низких орбитах – спутниками связи и военными. Которые с оружием. И над облаком космического мусора. Так что мы сейчас – в восьмидесяти шести тысячах километрах над

поверхностью. И регулярно посылаем туда зонды. Для контроля уровня радиации. И температуры.

– А что там – с температурой?

– Всё ещё ниже ноля. Даже на экваторе.

– А как – океаны? Замёрзли?

– Ну... Нет, конечно. Замёрзла только часть океанов. Те районы, что возле полюсов – ну, немного выходя за сороковые широты. А так-то... Шторма, конечно, там сейчас ужасные. И тучи. С ливнями и снегом. Но на суше ещё хуже. Кое-где толщина снежного покрова доходит до пяти метров... Слышал же, наверное, про «ядерную зиму»?

Роджер в своё время чего только не слышал. И чего только не обнаруживал в своей «памяти». (Какое счастье, что потеряно при снятии матрицы, вроде, совсем немного! Причём в-основном такого, что относилось к последним годам жизни. Поэтому всё, чему научился в школе, и в Университете Джона Гопкинса, помнил отлично.) Спросил:

– Стало быть, намечаете всё-таки возврат назад, на «альма матер»?

– Разумеется. Нам так и так придётся. Поскольку никакие наши здешние оранжереи, парники, и теплицы не дают в нужных объёмах «натурпродукта». Да и полноценность нашего рациона... Ну, там, микроэлементы, энзимы, соли всяких разных металлов... Оставляет желать. Вот и выходим из положения, применяя замкнутый кругооборот веществ. Что выросло – съели, а что... э-э... выделили – на перебраживание, а затем – переработку калифорнийскими червями в компост. На котором снова растёт. Благо, оранжереи-теплицы у нас получают солнца вполне. Достаточно.

– Понятно. А мясо? Мы же ели – мясо?

– Я же тебе про мясо уже рассказала. Никакое оно не мясо.

– Точно. И что? Совсем натурального нет?

– Ну почему же. Там, в первой оранжерее, «пасётся» и стадо кур. Вот их, родных, мы – ну не все, конечно, а только руководящие работники! – и потребляем.

– Стало быть, повезло мне. С тобой. Глядишь, и жаренной ножкой угостишь. Если постараюсь. – он скосил глаза вниз.

– Пошляк.

– Ты это уже...

– Знаю. Но в определённом смысле – да. Повезло тебе. Потому что обычно тех, кто из доноров спермы прошёл все тесты, был признан подходящим, и сделал своё дело, утилизируют сразу. Чтoб не тратить лишних продуктов и кислорода на их содержание.

Роджеру захотелось спросить о... Но спросил он о другом:

– А откуда, кстати, вы берёте весь нужный кислород?

– Вот с этим, кстати, (А ты зришь, как я уже отмечала, в корень!) проблема. Ты прав: теплица-оранжерея не столько даёт кислород, сколько съедает его – что бы там ни талдычили древние экологи про то, что растения его выделяют. То, что они выделяют, они же сами на самом деле и потребляют. Ночью. И никакая хлорелла не восполняет *всего*.

Поэтому примерно раз в три-четыре месяца нам приходится посылать на планету большую транспортную ракету. Она, к сожалению, тоже недостаточно большая – не может загрузить за раз больше двухсот тонн воды. Но мы её, в-смысле, воду, тут с помощью электролиза разлагаем на кислород и водород. Заодно и соль выделяем – нужную для пищи.

Кислородом, после долгого карантина, и окончательной очистки от радионуклидов с помощью фильтров, дышим. Ну а водород – сжигаем в энергоустановке. Потому что не всё нужное нам электричество дают солнечные батареи. Ведь со временем их КПД падает, а новых мы сделать не можем. Нет промышленной базы. Да и специалистов.

– Стало быть, вам нужно продержаться тут, на орбите, ещё двести лет. – это был не столько вопрос, сколько утверждение. Она кивнула:

– Как минимум. Пока фон не спадёт до нормы. И не исчезнет снежный покров. И почва не оттаёт на нужную глубину. И зёрна злаков, которые тут у нас хранятся в жидком азоте, станет можно высадить.

– Понятно. – Роджер сделал вид, что «лекция» по выживанию обитательниц Станции слегка утомила его, и даже позволил себе прикрыть ладонью якобы подавленный зевот, – А сейчас мы чем займёмся?

– Ну... Если честно, я ещё не совсем отошла от... – Диана, мило выпучив губки, тоже взглянула вниз, туда, где одеяло прикрывало её бёдра и животик, – Всё-таки ты у меня – первый! Поэтому думаю, будет лучше, если мы просто поспим. Чтoб отдохнуть. А то у меня шевелются – только пальцы. Ну, и немного – язык и мозги.

Роджер ухмыльнулся широко и открыто:

– Да уж, острятка ты моя доморощенная. Отдохнуть – нужно. Чтoб набраться новых сил перед трудовыми буднями.

– Точно.

Ощущать, как головка с высохшими пушистыми после мытья волосами мирно прикорнула у него на плече где-то возле подмышки, было приятно. Так же, как и чувствовать нежное тепло, идущее от мягкой ляжки, покоящейся сейчас на его усталых чреслах. Однако вот думы о своём будущем вовсе умиротворяющими и милыми назвать было ну никак нельзя.

Роджер, расслабив тело, которое как-то само укачало и усыпило еле слышно сопящую ему в грудь партнёршу, рассудку расслабляться не позволял. Жить почему-то хотелось.

Может, нужно рассматривать то, что с ним случилось, просто как ещё один тест? На выживаемость. Чтo, если попробовать «приручить» облечённую высокой властью женщину, и попытаться уговорить её помочь ему? Сбежать. Когда там, интересно, очередной рейс «за водой»? Или...

Или на корабль, забирающий воду, пробраться окажется совсем уж невозможно? Да и существует, конечно, вероятность того, что в тех местах, где эта посуда сядет, жить или высадиться будет нереально. Поэтому в первую очередь нужно разузнать. Всё, что возможно разузнать. О месте посадки. О дате. О планете. О тех местах, что там, внизу, в восьмидесяти шести тысячах кмэ, сохранились лучше всего. Или оказались не столь сильно заражены. Ну, и, разумеется, переохлаждены.

Затем. Нужно ещё разузнать о его «статусе» здесь.

Может, Диана приврала? И на самом деле представительницы эшелонов высшей власти регулярно что-то вот этакое и проделывают? Ну как же: «прелести натурального секса» – не просто образное выражение. А и правда – неплохая встряска иммунной системы, нервов. Отличная зарядка для тела. Да и просто – приятны: он смеет надеяться, что и другие «элитные самцы» не ударяли лицом в грязь в этом плане: «элитные» же!

Отборные, то есть.

Интересно: может ли такая как Диана – забеременеть?

И если забеременеет – не повлияет ли это на её... Статус? Социальное положение в иерархии Руководства колонии, живущей на Станции? Могут ли её повысить? Понизить? Или вообще – деклассировать и низвести до положения низшего персонала?

А ещё Роджера интересовало – КТО ОН?!

Он сам.

Как и почему он оказался здесь? В этом месте. В этом теле.

Он отлично помнил, что раньше его мозг принадлежал кое-кому другому.

И настоящему ему, Роджеру Тандерволду, инженеру-строителю, пусть в юности и увлекавшемуся айкидо и йогой, было на момент снятия матрицы с мозга – шестьдесят два года.

И тело его в этом возрасте имело солидный пивной животик, возникший отнюдь не на пустом месте, а в связи с хорошим, благодаря высокой зарплате, питанием. И питьём. А весило оно, это тело, более ста десяти килограмм. А уж о накачанных мышцах и поджарой фигуре, каковая сейчас наблюдалась у его нынешнего, чужого, молодого и явно не старше двадцати лет, тела, речь не шла даже в случае применения тренажёрного зала или массажей со всякими прочими процедурами для «нормализации» «физической формы». И кое-каких «странностей» только клонированием объяснить уж точно нельзя. Да, вот они – бородавки. Но!

Куда делись метр девяносто один – роста?! И почему не растут усы и борода?!..

Нет, он отлично помнил, как очнулся однажды здесь, в камерке с низким потолком, и размером три на три шага, как вскочил с пола, как тыркался во все углы, думая, что это друзья расстарались: к его Дню Рождения сделали вот такой вот сюрприз, подшутили, якобы «наказав» за слегка – или уж не слегка! – нездоровый образ жизни, и ограничив его «сексуальную свободу».

Но эта мысль быстро прошла, когда на потолке зажёгся тусклый светильник, и он смог рассмотреть своё нынешнее тело, прикрытое одной набедренной повязкой в виде простой полосы грязно-серой обветшавшей материи – явно старой и истрёпанной половой тряпки! (Унизительно – что одели даже не в обноски, а в!..)

Тело на ощупь казалось молодым, кожа и мышцы – упругими. И весило это новое тело явно не более семидесяти кило. (А сам-то он в свои двадцать был – на добрых десять-пятнадцать – побольше!..) А рост тело имело лишь под метр восемьдесят – куда ниже того, что было! Зато вот мускулы рук и ног выглядели впечатляюще.

Но вот как оказалось возможным вселить его сохранённый Разум в это не совсем, конечно, чужое, и молодое, и подправленное, тело, Роджер пока никакого представления не имел.

А больше всего недоумевал – кому и зачем это понадобилось?! Особенно с учётом всех идиотских тестов и испытаний, что выпали на его долю до того, как начались бои.

Недоумение, правда, длилось недолго: как раз до поединка с первым человеком, на который его выгнал раздражённо-лающий женский голос с потолка, и почти ставшие привычными разряды электрического тока, бьющего в пятки из пола. По коридору к арене его гнала какая-то механическая тележка с манипуляторами. Что в её четырёх конечностях зажаты боевые электрические плётки, Роджер тоже усвоил быстро.

Первого противника Роджер запомнил хорошо: коренастый крепыш с него ростом, но как раз с таким телосложением, как было у него до... Преображения. То есть – без особых мышц, и с небольшим животиком. А поскольку мужчина, вооружённый саблей в стиле древних монголо-татар и крохотным щитом шутить явно не собирался, и сразу накинудся, вопя, и располосовал живот и руку Роджера порезами и царапинами от острейшего лезвия, пришлось «засучить рукава», взяться за катану, что оказалась тогда в его распоряжении, да и разрубить голову обидчика на две неравные половины...

После этого Роджеру пришлось заснуть «принудительно» в первый раз: он тогда и не понял, что это – действие усыпляющего газа. Подстраховочка, так сказать, устроителей «гладиаторских боёв». От бунта победителя.

Но потом, очнувшись вновь в своём закутке, он был удивлён: обнаружил, что наиболее глубокие разрезы на теле аккуратно зашиты, а царапины чем-то заживляющим заботливо смазаны.

Догадаться, что предстоят новые сражения, оказалось нетрудно.

Как и понять, что если хочет пожить подольше – нужно не тянуть кота за ..., и не рефлексировать, а убивать врага. Не допуская даже мысли о том, что этот враг – «тоже человек»!

Цели его «воссоздания» в «подкорректированном» виде он тоже вычислил довольно быстро: чтоб лучше сражался. И обладал большими возможностями.

Отдыхать ему тогда, и приходить в себя, позволили около трёх дней. Как понял Роджер, отнюдь не из человеколюбия. А просто для того, чтоб хорошо зажили раны, и он мог полноценно пользоваться телом в последующих битвах.

А всего таких битв, с противниками-людьми, или для разнообразия с животными в виде пантеры, леопарда, и львицы, (очень, нужно признать, свирепой и умелой!) оказалось двенадцать.

И последний противник, как тоже понял Роджер, в свою очередь вышел победителем – уже в своей «Олимпийской серии».

Недаром же оказался столь шустрым, расчётливым и умелым.

Ладно, узнать то, как он попал в это тело сейчас, в связи с чётко обозначенной Диа-ной позицией насчёт его дальнейшего возможного существования, представляется не столь существенным. Куда важнее вопрос, как ему это новое, прекрасное и молодое, тело – спасти. Потому что его «пользовательница», похоже, ничего не приукрасила: он действительно должен был пойти на «утилизацию». После того, как выдал положенную порцию. Семени. И пусть на его взгляд это – излишняя роскошь: получить со столь тщательно отобранного бойца и производителя лишь одну, первую, порцию этой самой спермы, местных руководителей, а точнее – руководительниц, его частное мнение в вопросе о сохранении его жизни вряд ли впечатлит.

Поскольку методика за прошедшие триста лет явно отработана.

А кроме того, он и правда не знает, на скольких «носительницах», и за какой срок его семя распределят. (Верно: ведь здесь, на Станции, число живущих не может быть особенно большим – вот именно: ресурсы! Пища, кислород, вода... А уж число «избранных» производителей так и вообще – наверняка лишь какие-то проценты от общего числа обитательниц.) Кто знает – может, такой порции хватает лет на десять? Двадцать? Сто? Где-то он читал, что количество сперматозоидов у «активного» производителя семени может достигать до восьми-десяти миллионов...

Однако раз уж его спасли, и он выжил, глупо не подумать о том, *почему* местное руководство не учло все плюсы от сохранения таких как он: постоянная возможность «естественного» оплодотворения, прелесть «естественного» секса, с автоматической регуляцией гормонального баланса «обработанных» им, и предохранение от всего остального негатива – в виде депрессий и головных болей. Да и мыслят мужчины куда рациональней.

Стоп. Вот оно!

Вероятней всего те «производители», которых, возможно, хотели сохранить до него, как раз и пытались.

Повлиять на решения руководства. Навязать своё, рационалистическое, видение ситуации. Может, даже пробовали поднять что-то вроде бунта?.. Хм-хм... Зная мужчин, последний вариант представляется как раз самым...

Тогда становится понятно, почему здесь ввели такие жёсткие правила и законы.

Во избежание, так сказать. Повторения ситуации с планетой.

Чёрт! Облажались они там, на Земле, значит. «Сильная» половина человечества.

Обидно. С другой стороны мнение женщин по поводу того, кто виноват в гибели планеты и цивилизации, не лишено прагматичности. Всё вполне логично: кто же ещё служит в Армии, Флоте и Авиации?! Мужчины. Кто агрессивен, и вечно бряцает оружием? Солдаты. Кто всем рулит и заправляет? Политики.

А кто нажал на красную кнопку? Президент.

Наверняка – мужчина. Иначе, если б это сделала женщина, и свалить вину оказалось бы не на кого. А так...

Очень удобно: во всём виноваты эти самовлюблённые и тупые козлы. Мужики.

И вот он – в самом сердце, так сказать, новой цивилизации. Построенной на совершенно иных основополагающих принципах. Моногамии.

И всем вокруг заправляют женщины. Амазонки.
Новые амазонки.

Когда-то он даже читал фантастический рассказ, который, кстати, так и назывался. Или это был фильм?... Да и в древности... Точно: было такое племя. С ним ещё воевали какие-то древне-римские греки. Или – греческие герои... Геракл, что ли?... Неважно.

А важно, что воспроизводились эти амазонки как раз с помощью мужчин. Из соседнего племени. Насколько он помнит – добровольцев. Которые приходили совокупляться на определённое место, и – только раз в год. И к которым потом, чтоб не убивать, относили родившихся мальчиков.

А нынешние дамы, стало быть, опыт предшественниц учли. И «размножаются» только с помощью спермы «отборных» самцов-производителей. *Не* добровольцев.

Проклятье!

Ситуация парадоксальная, и если посмотреть непредвзято – где-то даже смешная. Но ему почему-то не смешно. Да и усомниться в реальности происходящего невозможно!

Остаётся только думать. И смотреть, насколько эта... Диана... Способна поддаться на его «чары». И пытаться вычислить, может ли она ради него и всего того, что он может дать ей, отказаться от льгот и преимуществ своей должности. И забыть о Долге перед соплеменниками...

Где-то в этом месте своих рассуждений он и уснул.

Утром Диана растолкала его:

– Вставай! Нам нужно позавтракать, и я уйду на работу. Дверь не открывай никому! Что бы ни случилось! А я приду – открою ключом. Сама.

Роджер покивал, соображая, *кто* тут может к нему прийти в гости. Хе-хе...

На завтрак оказалась каша – на вкус она, конечно, походила на овсяную, но он понял, что всё же – не овсяную, а только – вот именно – похожую. Подсознание, которое теперь отлично знало, что «натурпродуктов» на космическом корабле быть не может, придирчиво выискивало отличия: и комочки-то зёрен ему не такие, и вкус... Не тот.

Тосты со сливочным маслом, впрочем, от обычных практически не отличались: наладили они тут, что ли, промышленное выращивание пшеницы для выпечки хлеба?

Как ни странно, за завтраком почти не разговаривали. Только обменивались взглядами.

Роджер старался глядеть на партнёршу как кот на сметану, а она...

Она почему-то отводила глаза, и улыбалась... Как-то затравленно.

Ну не должна женщина, получившая вчера всё, что положено получить – улыбаться и глядеть на *своего* мужчину – вот *так*!

Когда дверь за ней закрылась, Роджер окончательно понял, что проиграл.

Проиграл, ещё не начав кампанию по «приручению» девушки.

В чём же дело? Что он сделал не так?! Может, нужно было растолкать её и среди ночи?!.. Или – утром продолжить «приручение»?!

Подумав, он приступил к тщательному и методичному обыску.

И нашёл ответ. В спальне.

В третьем из стенных шкафов, на полке, где хранились прокладки и нижнее бельё в виде трусиков, за упаковками стерильных бинтов, он и нашёл его. Фалоимитатор.

Размер поразил Роджера: а дама-то предпочитает... Не мелочиться! Возможно, поэтому его старания и не увенчались «полным успехом»: чёртова хреновина с приспособлением для вибрации оказалась на добрый дюйм длиннее, чем у него. Да и толще.

Всё ясно. Рассчитывать, что ему удастся «подсадить» именно эту даму на его «натурпродукт», нереально.

Так что? Ему придётся подыскать другую обличённую властью, и жаждущую предаться прелестям «естественного» секса, начальницу?

Но как это сделать?

А точнее – как ему сделать это так, чтоб его не обнаружила первая же встречная амазонка, и не подняла тревогу, в результате которой его так и так отправили бы на утилизацию?! А Диану – на уборку туалетов до конца жизни?

Нет, он не сердился на «умыкнувшую» его женщину. Он – реалист. И отлично понимает: той просто хотелось... Попробовать. Хоть раз в жизни. Того, чего у обитательниц Станции не было более трёх веков.

И теперь, попробовав, и слегка разочаровавшись, она просто сдаст его.

Возможно, даже уже сегодня.

Он вернулся в большую комнату. Продолжил обыск. Но ничего существенного больше не нашёл.

Ни того, что могло бы пригодиться как оружие, ни инструментов, ни запчастей.

А обследовав комнату тщательней, обнаружил, что его опасения насчёт контроля персонала подтвердились: пусть в углах комнат и не было видеокамер, за решётками вентиляции в обеих комнатах и ванне имелись чёрные шутовинки с проводками, уж больно похожие на чувствительные микрофоны.

Понятно. Стало быть, Служба Внутренней Безопасности имеется и в «идеальном» Обществе. Которое настолько идеально и совершенно, что не доверяет даже своим руководящим членам настолько, что цинично, и без зазрения совести вторгается в их частную жизнь и личное пространство. Стало быть, их вчерашние «охи-вздохи», да и разговоры, местное подразделение секретной службы отлично слышало. И сейчас может просто прийти и арестовать его. Впрочем, зачем его арестовывать: отправят сразу на чёртову утилизацию – как пить дать!

Он сел на один из стульев. Лицо наверняка покраснело, и под кожей щёк ходят желваки. Да и кулаки сжимаются – словно сами собой.

Но об этом хотя бы никто не узнает. Да и лицу можно позволить грызть губы, и подводить глаза к потолку, и скалиться: никто его не видит. А мимических проявлений в микрофоны, какими бы чувствительными не были, не слышно.

В дверь аккуратно и тихо постучали.

Он невольно вздрогнул. На цыпочках подошёл поближе, приложил ухо к двери.

Стук раздался снова: на этот раз чуть громче. Он удивился: ухо, приложенное к двери, различило и тихий шепот:

– Роджер! Роджер, если хочешь жить – открой дверь!

Голос оказался незнакомый, но куда более живой, чем у администраторши.

Роджер подмигнул сам себе, ехидно улыбаясь.

Он уже примерно представлял, что ему сейчас предстоит!

Рассудив, что он не против, и терять-то особенно нечего, мягко, чтоб не щёлкать, открыл замок.

Молодую женщину, почти девушку, миловидной ну никак назвать было нельзя.

Лицо пересекал глубокий и словно набухший по бокам разреза шрам, идущий со лба на подбородок, деля безобразным рубцом правую щёку, и делая верхнюю губу похожей на заячью. Поражала и странная бледность кожи: женщина казалась буквально зелёной. Зато миниатюрная фигурка выглядела великолепно: точёная талия, крутые бёдра, очень длинные относительно тела, ноги. Грудь... Тоже наличествовала. Хоть и первого размера, но очень пикантно пучившаяся на соответственных местах комбинезона маленькими сосками. Пропорциональная и сексапильная фигурка: ничего не скажешь! Хоть и невысокая: едва ему по плечо – даже

ниже Дианы. Такая весит, наверное, не больше сорока пяти. Что не мешало её отлично подогнанному комбезу подчёркивать вполне выдающиеся достоинства. В тех местах, где им полагось быть.

А главное, что сразу понравилось Роджеру – так это то, что на куклу-биоробота для раздачи команд эта девушка похожа уж точно не была! На лице её вспыхивали самые разные эмоции: гнев, волнение, страх. И явно – желание что-то сделать. побыстрее.

Убедившись, что Роджер её осмотрел, женщина кивком пригласила его в коридор.

Роджер вышел, оставив, однако, дверь приоткрытой: мало ли! Вдруг придётся там снова прятаться? Спасаясь от этой... Гости. Или той же Службы Безопасности.

Женщина вытащила из-за спины левую руку. Там оказалось нечто, очень даже похожее на оружие: на древний УЗИ.

Роджер почуял, как его глаза прищурились, и руки напряглись, готовясь выбить оружие, если дуло будет направлено на него. Но он заставил себя пока замереть.

– Это – автоматический пистолет. – девушка сунула УЗИ Роджеру в руки, – Может стрелять и одиночными и очередями. Вот: переключатель. А это – предохранитель. А вот и запасная обойма. – он кивнул, и спрятал обойму в свободный карман – он так и вышел как был: в одних штанах и футболке. И босиком.

– Если хочешь жить, идём. – её шёпот казался напряжённым. – Расскажу всё по дороге. А то – сам уже всё понимаешь: прослушка! А в коридоре её нет.

Роджер не колебался: так рисковать может только женщина, отлично знающая, чего хочет, всё спланировавшая, и твёрдо уверенная в своих действиях.

Сказал лишь:

– Погоди. Я одену обувь.

Обувь он одел. А заодно метнулся к шкафу, и сделал кое-что ещё – благо, это заняло не более двух секунд.

Пока они быстро шли по пустому широкому коридору, он спросил только одно:

– Почему в коридоре никого нет?

– Все на работе. Занимаются своим делом. Сейчас – середина первой вахты. На это я и рассчитывала. Ну и ещё, конечно, на то, что сейчас все двери жилых кают заблокированы, а дежурный офицер Службы Безопасности лежит связанная в туалете. С кляпом во рту.

Роджер впечатлился, но виду не подал: пока что его дело – исполнять команды. Потому что он не владеет ситуацией. А девушка – владеет.

Они дошли до конца коридора, и женщина кивком головы показала Роджеру, чтоб он следовал за ней. Сама же нырнула ногами вперёд в колодезь-тоннель, открывшийся при нажатии кнопки в стене, и ведущий вниз и вверх.

– Если что – притормаживай прямо локтями и ногами!

Роджер не замедлил послушаться.

Через минуту плавного спуска, он оказался на одном из нижних уровней, о назначении которого догадался сразу: палуба спасательных и десантных кораблей. Именно их горбатые, и мало изменившиеся за триста лет силуэты и торчали тут повсеместно, стройными рядами. Женщина, хмурившаяся, и, казалось, что-то нехорошее предвкушавшая, сидя за одним из массивных корпусов, сделала ему жест рукой. Он подполз. Выглянул.

Ага, понятно. Действительно: хорошего тут мало.

– Это – наш единственный сейчас шанс. Подготовленный на экстренный случай и полностью заправленный горючим, спасательный бот. На остальные горючего уже не хватает. Вон те три дуры, – кивок головой, – охрана. Они ничего спрашивать не будут, а сразу начнут в нас стрелять. Поэтому уж будь любезен: не сюсюкайся с ними, а просто – пали! Целься прямо в грудь!

Им ничего не сделается! Ну, кроме, может, потери сознания: они – в жилетах!
А уж вывести бот в космос и потом приземлиться – моя проблема.
Задача понятна?
Роджер кивнул.

«Дуры» действительно вскинули пушки и попытались в него пострелять.

Пришлось продемонстрировать, что не зря существует поговорка о мужском инстинкте к любому оружию: он потратил ровно три пули, и вся троица грохнулась на палубу, не потеряв, впрочем, как он понадеялся, сознания. Но не оставляя попыток встать, или попытаться снова прицелиться, пусть и лёжа. Он поразился: отдача его крошечного оружия была чудовищной, но и действие пуль, попадавших в тела, оказалось реально убойным: плотные и явно мускулистые женщины отлетали буквально на два-три шага – словно их лягнула лошадь! Даже удивительно, как от такого удара эти амазонки ещё оставались в сознании! Особо тренированные и противоударные они тут все, что ли?! Ладно, некогда спрашивать! Нужно работать!

Роджер наступил на руку, пытавшуюся приподнять что-то вроде такого же как у него, автомата, и вырвал оружие из кисти женщины, казавшейся постарше и глядевшей особенно злобно. Не иначе, как начальница поста. Затем присел на колено, и вырубил вредную охранницу весьма приличным ударом в челюсть. Ему хотелось гарантий полной безопасности...

Двух остальных «добила» его напарница, просто въехав со всего маху кованным носком полусапога – тоже в челюсти упавших. Она-то не «миндальничала»!

– Я уже говорила. Они – в бронежилетах. Компенсирующих. Поэтому и не «вырубились». Но нам нужно как-то обездвижить их, пока не уберёмся отсюда. Со Станции.

Роджер снова кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.